

Глава 1.5

Подготовка заняла мало времени, и уже на следующее утро Луису было велено отправляться. Он покинул приют с потрёпанным рюкзаком, куда сложил свою скудную поклажу — несколько предметов старой одежды да деревянный ящичек, который он вытащил из тайника на заброшенном складе.

До холмов за городом идти пешком было далеко. Уже измученный, он застыл с широко раскрытыми глазами, когда в поле зрения показался особняк на самой вершине.

«Боже... Да это же целый дворец».

Он слышал, что это, в сравнении с положением графа, всего лишь скромный загородный дом. Но выглядел он слишком величественно, чтобы быть правдой. За высокой каменной стеной простирался ухоженный сад, а в его глубине стояло здание с белоснежными стенами и тёмно-зелёной, почти изумрудной крышей.

Оглядевшись с нескрываемым изумлением, он заметил в углу сада двух служанок, которые, хрютя и покраснев от натуги, выдёргивали огромный куст.

«Разве такую работу обычно не поручают мужской прислуге или садовникам?»

Когда Луис, чувствуя себя совершенно чужим, приблизился к парадному входу, его встретил пожилой мужчина с безупречной осанкой — судя по всему, дворецкий.

— Вы мистер Луис? Прошу, входите.

Седовласый, с благородными чертами лица, мужчина имел большой ожог на боку носа, но был безукоризненно одет и держался с достоинством. Луису, нечасто видевшему в городе таких людей, вид этого достойного пожилого джентльмена внушал невольное уважение.

Интерьер особняка был величественным, хоть и носил следы времени и некоторой запущенности. Мебель была старинной, тяжёлые портьеры из красного бархата отливали глубоким блеском. Луис даже вздрогнул, впервые ступив на ковёр в прихожей, насколько неожиданно мягким и пушистым он оказался.

Но внутри, как и в саду, основную работу выполняли служанки - даже та, что требовала силы. Одна из них, перетаскивая тяжёлый чугунный горшок, выглядела измотанной, но Луис не стал задерживать на ней взгляд, боясь показаться невежливым.

В гостиной его ждала проницательная женщина средних лет. Дворецкий передал ей рекомендательное письмо, и она принялась изучать его с таким видом, будто разглядывала подделку. Видимо, это и было тем «собеседованием», о котором говорил Берк.

— Я — Дмитрий, дворецкий. Это миссис Томпсон, экономка. Мистер Луис, вы ранее выполняли подобную работу?

— Э-э... Ну д-да...

Берк снабдил его фальшивой рекомендацией, где утверждалось, что Луис прежде служил в другом знатном доме. Берк настаивал, чтобы тот играл свою роль, но Луис, от природы не умевший лгать, мог только растерянно моргать своими большими, тёмными глазами.

Дворецкий и экономка отошли в сторону, чтобы обсудить что-то шёпотом. Луис уловил обрывки фраз:

«...Дмитрий, это рекомендательное письмо... оно кажется... но...»

«У меня были сомнения... однако... раз уж мы... возможно...»

«Всё же, я слышала, граф был... так что, может быть...»

Он уже приготовился, что его уличат в обмане и вышвырнут вон, но дворецкий Дмитрий, вернувшись, сказал нечто совершенно неожиданное:

— Мистер Луис, если у вас нет возражений, мы готовы принять вас на работу.

Экономка, стоявшая за его спиной, смотрела с явным неодобрением, но Луис, покрасневшись и чувствуя, как сердце колотится где-то в горле, смог выдать только:

— Правда?

— Что ж, прежде чем приступить к обязанностям, вам следует кое-что узнать о этом доме. В-первых, — Дмитрий понизил голос, — граф не выносит омег. Вы — бета, так что это хорошо, однако вам следует быть особенно внимательным, чтобы случайно не оставить следов феромонов на территории поместья.

Луи почувствовал трепет в сердце, но не позволил этому слишком сильно его смутить. Благодаря способности его организма маскировать феромоны и травяным средствам, которым его научила мать, скрывать свою природу не составляло труда.

Его больше беспокоил привередливый нрав работодателя. И, судя по списку предостережений от дворецкого, графу не нравились десятки тысяч вещей.

Он не любил дождь, не переносил яркое солнце, но ещё больше ненавидел холод. Он не терпел гостей, презирал всё грязное и неопрятное.

— Главное, — продолжил Дмитрий, — граф не любит мужчин. Поэтому какое-то время в доме нанимали только женщин. Сейчас единственные мужчины среди слуг — это садовник-конюх да я, оба в возрасте. Мы переехали в спешке, и работы невпроворот.

Луис молча кивнул. Видимо, именно нехватка рук и заставляла служанок выполнять тяжёлую работу.

— Мне с огромным трудом удалось выхлопотать разрешение нанять мужскую прислугу, однако граф не желает видеть мужчин, снующих по дому. Поэтому... — с этими словами дворецкий взял со стола свёрток ткани и, ловко встряхнув, развернул его. — Вам, Луис, во время работы в особняке предстоит носить эту одежду.

С невозмутимым видом он демонстрировал форму горничной — белое платье, щедро украшенное кружевами и оборками.

По спине Луиса пробежал леденящий пот. Характер графа оказался ещё более эксцентричным, чем он предполагал. Заставлять слуг-мужчин носить такое лишь из-за личной неприязни - это выходило за рамки простой причуды.

— Даже если вы откажетесь, я пойму, — добавил Дмитрий с осторожностью, заметив его

бледность. — Несколько вновь нанятых мужчин уволились именно по этой причине.

Луи, хотя ему никогда и в голову не приходило надеть юбку, не мог заставить себя отказаться. Он очень хотел сбежать, но мысль о больном Бене заставила его не сдаваться.

Луису никогда не приходило в голову, что ему придётся надеть юбку. Каждая клеточка его тела протестовала. Но мысль о Бене, его слабом дыхании и лихорадочном блеске в глазах, была сильнее стыда и отвращения. Он сделал глубокий вдох.

— ...Всё в порядке. Я надену это.

Лицо дворецкого просветлело. Луис принял одежду из его рук и, движимый странной смесью отчаяния и благодарности, поклонился.

— Благодарю вас за предоставленную возможность, сэр.

— На вас есть надежда. Обращайтесь ко мне «господин Дмитрий».

Дворецкий ответил ему почтительным, но тёплым поклоном. Впервые взрослый, да ещё и занимающий положение, отнёсся к нему с таким уважением. В груди Луиса, помимо тягостной тревоги, шевельнулось что-то тёплое и хрупкое.

Экономка, миссис Томпсон, проводила его в комнату для прислуги. Она была небольшой, но светлой, с настоящей кроватью, которая не шла ни в какое сравнение с кишацими клопами нарами в приюте.

Если не считать необходимости носить юбку, это место казалось работой, о которой нельзя и мечтать. Пока Луис осматривался с почти детским изумлением, миссис Томпсон постучала в дверь.

— Оставьте вещи и переоденьтесь. Я объясню ваши обязанности.

Только тогда Луис понял, что его робкая надежда «если не считать юбки» была наивной. Присутствие этой одежды было слишком материальным, чтобы его игнорировать.

Он начал неловко разбираться с нарядом. Бесчисленные ленты, крючки и пуговицы представляли собой отдельное испытание, а подвязки и вовсе были загадочным устройством, о котором он лишь смутно слышал.

После долгих мучений ему удалось просунуть в платье ноги, но шнуровка, идущая вверх по бёдрам, вызвала странное, щекотливое ощущение, от которого по коже бежали мурашки.

«Неужели в этом придётся ходить каждый день? Смогу ли я когда-нибудь к этому привыкнуть?..»

С пылающим лицом Луис закончил завязывать ленты на переднике. Это было невыносимо неловко, но он не мог заставить страших ждать. Он достал из своего ящика аккуратно сложенный плащ графа, на мгновение прикоснулся к ткани, а затем вышел из комнаты.

В коридоре его уже ждала миссис Томпсон. Она окинула его быстрым, оценивающим взглядом — с головы до ног, задержавшись на неловко завязанных лентах фартука. Её тонкие губы слегка поджались.

— Вы слишком мелкий. Предыдущим парням, что служили до вас, этп форма была поразмеру.

Придётся подобрать что-то поменьше. — произнесла она сухо, без намёка на одобрение. — Идёмте. Нужно усвоить распорядок до вечера.

— Вы слишком мелкий. Предыдущим парням, что служили до вас, этп форма была поразмеру. Придётся подобрать что-то поменьше. — произнесла она сухо, без намёка на одобрение. — Идёмте. Нужно усвоить распорядок до вечера.

Луис залился краской, чувствуя себя неловко под её пристальным, оценивающим взглядом.

Луис залился краской, чувствуя себя неловко под её пристальным, оценивающим взглядом.

— Идите сюда, — она резко указала на место перед собой. — Выпрямитесь. Я не собираюсь повторять дважды.

— Идите сюда, — она резко указала на место перед собой. — Выпрямитесь. Я не собираюсь повторять дважды.

Её голос звучал отрывисто и строго, как у армейского сержанта. Отчеканив это, она немедленно приступила к инструктажу, стремительно перечисляя, где что лежит в доме, как правильно обращаться с вещами, каковы обязанности и бесчисленные правила для прислуги.

Её голос звучал отрывисто и строго, как у армейского сержанта. Отчеканив это, она немедленно приступила к инструктажу, стремительно перечисляя, где что лежит в доме, как правильно обращаться с вещами, каковы обязанности и бесчисленные правила для прислуги.

У Луиса голова пошла кругом. Информация лилась сплошным потоком, названия предметов и комнат смешивались в кашу. Но он был слишком напуган её суровым видом, чтобы осмелиться попросить говорить медленнее.

У Луиса голова пошла кругом. Информация лилась сплошным потоком, названия предметов и комнат смешивались в кашу. Но он был слишком напуган её суровым видом, чтобы осмелиться попросить говорить медленнее.

Так вот почему мужчины здесь долго не задерживались, — мелькнуло у него в голове, пока он судорожно пытался запомнить хоть что-то. Форма горничной была лишь вершиной айсберга.

Так вот почему мужчины здесь долго не задерживались, — мелькнуло у него в голове, пока он судорожно пытался запомнить хоть что-то. Форма горничной была лишь вершиной айсберга.

Работодатель — эксцентричный граф с ледяным взглядом. А непосредственная начальница... эта женщина явно не терпела возражений и не прощала ошибок. Луис с тоской подумал, что, возможно, согласиться на это было самой большой ошибкой в его жизни.

Работодатель — эксцентричный граф с ледяным взглядом. А непосредственная начальница... эта женщина явно не терпела возражений и не прощала ошибок. Луис с тоской подумал, что, возможно, согласиться на это было самой большой ошибкой в его жизни.